

Значения Мира: Изучение «Образа Мира»

Ёлдошева Мафтуна Ислон кизи¹

Аннотация: В данной статье представлены взгляды на понятие мира с разных сторон, а также мнения ученых по поводу его определения.

Keywords: концепция, образ мира, подход, концептуализации мира.

Уже в период становления исследований мира как научной дисциплины был написан ряд работ, рассматривавших концепцию мира, хотя в то время чаще употреблялся термин не концепция, а «образ мира». Пионером этих исследований «образа мира» можно назвать Питера Купера, за которым следуют Тронд Эльвик, Лейф Роселл, Магнус Хаавелсрув, Дж. А.И.А. Эхли, Гленн Д. Хук, уделявшие особое внимание образу мира у детей². Для целей нашей работы важно заметить, что эти авторы имели скорее весьма своеобразное представление о природе концепции мира. Большинство из них склонялись к мысли, что концепция мира у любого ребенка попадает в одну и только в одну из четырех или пяти (или любого другого количества) кажущихся разобщенными категорий, которые никогда не могут быть представлены как комплексная структура, где сосуществуют две или более категорий. Например, Купер классифицирует образы мира (на самом деле, ответы детей или вербальные ассоциации со словом «мир») по четырем категориям: «инертность», «отсрочка», «общественная деятельность» и «примирение» [4, р. 4].

Образы мира рассматриваются как изменчивые, но которые принимают только одно из ограниченного числа значений. Первым, кто использовал подход, допускающий сосуществование нескольких значений в концепции мира, был Такеси Исида [5]. В этом его работа кардинально отличалась от исследований Купера и других авторов, так как у Исида концепция мира имела сложную структуру, в которой рассматривалось несколько значений мира одновременно. Очевидно, что подход, предложенный Исида, намного более эффективен для понимания реальной природы образа мира и что образ мира в любой культуре или группе должен рассматриваться как состоящий скорее всего из более чем одного компонента независимо от того, с каким сообществом людей или даже отдельно взятых индивидуумов мы имеем дело.

Концептуализация мира в исследованиях мира

В первые годы существования исследований мира считалось, что мир – это состояние, противоположное войне. Мир определялся как *отсутствие войны* частично из-за того, что в тот период исследователи мира стремились переосмыслить трагедию Второй мировой войны и найти выход из опасной ситуации, ставившей под сомнение само существование человечества в связи с опасностью тотальной ядерной войны между двумя сверхдержавами [6, р. 19]. Другими словами, опираясь на выводы, сделанные в предыдущей части статьи, можно сказать, что в то время концепция мира включала в себя только одно значение мира, а именно отсутствие войны.

В ретроспективе и для лучшего понимания того, что в прошлом значение мира как отсутствие войны воспринималось еще уже, нежели это может показаться на первый взгляд, следует остановиться на рассмотрении двух характеристик концепции войны в тот период. Во-первых, считалось, что «война» ведется только между большими странами, или, по крайней мере, между государствами. Из-за этого две важные области исследования оставались практически вне

¹ учитель английского языка

сферы внимания: развивающиеся страны и локальные и внутренние конфликты [6, p. 45–47]. К примеру, внутренние конфликты вообще не рассматривались в знаменитом проекте «Корреляции войны» в Мичиганском университете [7, p. 8].

Недавно опубликованный обзор академических публикаций по этому проекту показывает, что даже сейчас авторы придерживаются все еще очень ограниченного определения войны [8, p. 12). Одним из последствий такого подхода стало то, что до того, как в 70-х годах были опубликованы новаторские работы Иштвана Кенде [9, 10], отсутствовали какие бы то ни было систематические исследования по проблемам локальных и внутренних войн. Во-вторых, характер войны считался симметричным, другими словами, война рассматривалась как противоборство государств или союзов государств, обладающих примерно одинаковой силой. Однако, если согласиться с этим утверждением, то война во Вьетнаме и другие партизанские войны были очевидной аномалией, даже если забыть о том факте, что в войны оказывались вовлеченными другие силы, а не только государства. Вот поэтому ограниченное определение войны стало все менее и менее востребованным.

При концептуализации мира как отсутствия войны, как бы по-разному она ни трактовалась, очевидно: если идет война, то значит нет мира, и если нет войны, то значит есть мир. Исходя из этого, взаимоотношения войны и мира должны быть с нулевой суммой. Подобное понимание взаимоотношений войны и мира вскоре было признано слишком ограниченным и негибким, так как не предусматривало наличие «серых зон». Такие исследователи, как Кеннет Боулдинг [11] и Джеффри Дарнтон [12] попытались несколько по-другому трактовать взаимоотношения войны и мира и приблизить теорию ближе к реальности. Вместо дихотомии как Боулдинг, так и Дарнтон допускали наличие «серой зоны» между войной и миром. Тем не менее, несмотря на попытки модификации, предпринятые этими авторами, суть определения мира как отсутствия войны оставалась неизменной, так как даже в новой формулировке степень мира всегда ставилась в зависимость от степени войны.

Реальное изменение в понимании концепции мира произошло около 1970 г. Необходимость радикального изменения концепции мира как предмета изучения исследований мира объясняется тем, что в период с 1945 г. по 1960-е гг., в отличие от опасений многих исследователей, не было ни одной большой войны, в то время как имели место множество локальных войн. С другой стороны, ясно обозначилась так называемая проблема «Севера и Юга», или, точнее, эта проблема стала считаться одной из самых насущных в мировом масштабе. Признание существования проблемы Севера и Юга повернуло исследования мира лицом к трагическому и несчастному положению дел в развивающихся странах, проявляющего себя в голоде, бедности, экономической отсталости и попрании прав человека. На этом фоне многие исследователи мира задались вопросом, действительно ли отсутствие войны означает мир? Для целей данной статьи этот вопрос может быть перефразирован следующим образом: «Может ли мир иметь только одно значение, или, является ли отсутствие войны единственным значением мира?»

Первым, кто сумел раздвинуть рамки определения войны как отсутствия мира, стал Сугата Дасгупта, озвучивший новую концепцию мира. Он предложил понятие «состояние безмрия» для обозначения ситуаций, в особенности в развивающихся странах, где, несмотря на отсутствие войны, люди страдают не в меньшей мере, чем во время войны от бедности, недоедания, инфекционных заболеваний, неграмотности, дискриминации, угнетения и так далее [13]. Очевидно, что, следуя концептуализации мира по Дасгупте, новые значения мира, такие, как экономическое процветание (или, скорее даже, отсутствие или недостаток такового) и физическое здоровье, могут быть объединены в предложенную концепцию мира как необходимые компоненты или условия мира. Подобный подход стал настоящим прорывом по сравнению с предыдущими концепциями мира, рассматривавшие только один компонент, а именно отсутствие войны. Таким образом, если принять новое определение мира, то отсутствие войны между государствами перестает быть единственным достаточным условием мира.

Заметим, что новое определение мира, предложенное Дасгуптой, также затрагивает вопрос и о сфере мира. Если предположить, что существует только одна сфера мира, имеющая значение в системе международных или межгосударственных отношений, или, более точно, системе, в которой допускается только одна единица измерения – суверенное независимое государство, то мир может быть определен как отсутствие войны между государствами перестает быть единственным достаточным условием мира.

Заметим, что новое определение мира, предложенное Дасгуптой, также затрагивает вопрос и о сфере мира. Если предположить, что существует только одна сфера мира, имеющая значение в системе международных или межгосударственных отношений, или, более точно, системе, в которой допускается только одна единица измерения – суверенное независимое государство, то мир может быть определен как отсутствие войны между и среди государств или союзов государств. В этом случае традиционное определение мира окажется вполне подходящим, так как мир рассматривается только в отношении взаимоотношений между государствами или группой государств. Однако, как было показано выше, определение мира по Дасгупте включает такие значения мира, как (отсутствие) бедности или низкого уровня развития, (отсутствие) голода, (отсутствие) низкого уровня образования (возможностей для получения образования) и т.д. Ясно, что бедность и экономическая отсталость не относятся к внешним атрибутам суверенного независимого государства, не говоря уже о голоде и низком уровне образования. В общем и целом, эти значения мира могут относиться только к внутригосударственному или внутригрупповому уровню. Следовательно, концепция Дасгупта также затрагивает вопросы новых сфер мира, которые мы рассмотрим в другой части этой работы. Усилия исследователей мира по выработке концепции мира, отвечающей новой глобальной ситуации, увенчались успехом, когда Йохан Галтунг выдвинул открывшую новую эпоху концепцию мира, отталкивающуюся от понятия «насилие», в своей ставшей уже классикой статье [14]. Строго говоря, вопреки общепринятому мнению, это была не концепция «структурного насилия» как таковая, а новая концепция **мира** и насилия, которую выдвинул Галтунг. Тем не менее термин «структурное насилие» прижился, несмотря на свое несоответствие исторической и академической действительности. Галтунг сделал существенный шаг вперед по пути создания масштабной теоретической конструкции, подходящей для рассмотрения не только вопросов войны, но также вопросов бедности, эпидемий и нарушений прав человека. Ключ к предложенному Галтунгом новому определению мира лежит в новой концепции насилия.

Галтунг определил мир как отсутствие насилия, а не как отсутствие войны [14, р. 167]. Несомненно, что полезность и законность подобного определения зависит исключительно от того, что понимается под насилием. Так что же тогда насилие? По Галтунгу, насилием является все то, что препятствует полной реализации врожденного соматического и умственного потенциалов человека. Другими словами, насилием является все то, в результате чего возникает разрыв между физическим и умственными потенциалами людей и их реальным состоянием [14, р. 168]. С этой точки зрения насилие, бедность, экономическая отсталость, притеснение и другое социальное зло, которому подвержены миллиарды людей, в большинстве своем проживающих в развивающихся странах, могут рассматриваться как проявления насилия. Обращаясь далее к вопросу о значении мира, искоренение этого социального зла должно считаться необходимыми условиями по достижению мира. Как видим, число компонентов мира растет. С помощью нового определения насилия Галтунгу удалось выработать всестороннюю (а кто-то скажет, даже слишком широкую по охвату) концепцию мира.

В настоящей статье мы попытались объяснить развитие концепции мира в исследованиях мира. Однако, даже если считать нашу задачу выполненной, возникают новые вопросы, среди которых следующие кажутся заслуживающими внимания, хотя и нельзя не согласиться с тем, что ответы в значительной степени зависят от того, какое человеческое сообщество мы имеем в виду. Насколько основополагающие значения мира связаны между собой в конкретной концепции мира у конкретной группы людей или в общей концепции мира? Этот вопрос относится к внутренней структуре концепции мира, предопределяется взаимосвязью соответствующих значений мира как единиц измерения.

Литература

1. Galtung J. Social Cosmology and the Concept of Peace // Journal of Peace Research. 1981. V. 18. No. 2. P. 183–199.
2. Matsuo M. Space Where Peace Exists: An Analysis of Examples from Literary Fictions (Heiwa no Seiritsusuru Ba - Fikushon no Yourei Bunnseki) // Hiroshima Peace Science. 1984. V. 7. P. 55–76 (in Japanese).
3. Matsuo M. Japanese People's Image of Peace // PSAJ-Newsletter (Peace Studies Association of Japan). 1985. No. 5. P. 8–10.
4. Cooper P. The Development of the Concept of War // Journal of Peace Research. 1965. V. 2. No. 1. P. 1–17.
5. Ishida T. Beyond the Traditional Concepts of Peace in Different Cultures // Journal of Peace Research. 1969. V. 6. No. 2. P. 2, 133–145.
6. Matsuo M. Peace and Conflict Studies: A Theoretical Introduction. Hiroshima: Keisuisha, 2005.
7. Small M., Singer J.D. Patterns in International Warfare, 1816–1980 / Eds. Melvin Small and John David Singer, International War: An Anthology and Study Guide. Homewood, IL: Dorsey Press, 1985. P. 7–19.
8. Geller D.S., Singer J.D. Nations at War: A Scientific Study of International Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
9. Kende I. Twenty-Five Years of Local Wars // Journal of Peace Research. 1971. V. 8. No. 1. P. 5–27.
10. Kende I. Wars of Ten Years (1967–1976) // Journal of Peace Research. 1978. V. 14. No. 3. P. 227–241.
11. Boulding K.E. Stable Peace. Austin: University of Texas Press, 1978.
12. Darnton G. The Concept <Peace> // Proceedings of the International Peace Research Association Fourth General Conference. 1973. P. 105–116.

